
ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН И РЕГИОНОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

УДК 93/94(282.044.247.11)

DOI: 10.19110/2304-5922-2022-1-4-13

*К.А. Аверьянов**

Из истории освоения нижней Печоры

Рассматривается ранняя история Печорского края, расположенного на крайнем северо-востоке Европы, поисках в крае месторождений серебра и основании Пустозерска, первого русского города в Заполярье.

Ключевые слова: *Русский Север, Печорский край, Печорские акты, Вычегодско-Вымская летопись, река Цильма, Пустозерск, изыскания месторождений*

K.A. Averyanov

From the history of the development of the lower reaches of the Lower Pechora River

The early history of the Pechora region, located in the extreme north-east of Europe, the search for silver deposits in the region and the founding of Pustozersk, the first Russian city in the Arctic, is considered.

Key words: *Russian North, Pechora Territory, Pechora Acts, Vychegda-Vym Chronicle, Tsilma River, Pustozersk, field exploration*

Печорский край упоминается в русских летописях очень рано. Его название встречается уже в начальной недатированной части «Повести временных лет». Легендарный Нестор, описывая пределы известного ему мира, сообщает: «В Афетове же части седять Русь, чюдь и вси языци: меря, мурома, весь, морьдва, заволочская чюдь, пермь, печера, ямь, угра, литва, зимегола, корсь, летьгола, любь». И далее он уточняет: «А се суть инии языци, иже дань даютъ Руси: чюдь, меря, весь, мурома, черемись, морьдва, пермь, печера, ямь, литва, зимгола, корсь, норома, либь: си суть свой языкъ имущее, от колена Афетова, иже живутъ въ странахъ полуношныхъ» [1].

Первые сведения о русских экспедициях на Печору относятся к рубежу XI–XII вв. Именно к этому времени относятся упоминания в Начальной летописи «печорской дани». Расположенный на далекой окраине тогдашней ойкумены Печорский край манил людей не только богатствами, но и различными чудесами. Под 1096 г. летописец помещает рассказ новгородца Гюряты Роговича, посылавшего своего отрока в Печору, где жили «люди, иже суть дань дающе Новугороду», откуда тот проник еще дальше – в Югру («Югра же людье есть языкъ немь, и соседять с самоядью на полунош-

* **Аверьянов Константин Александрович** (Москва) – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, histgeogr@yandex.ru.

ных странах»), где услышал рассказы о людях, заточенных в горах якобы Александром Македонским [2]. Это была далеко не единственная экспедиция новгородцев. Под 1114 г. летописец, со слов ладожского посадника Павла, сообщает о том, что еще раньше новгородские мужи «ходили за Югрю и за Самоядь» и видели сами «на полунощныхъ странахъ» другое чудо: «спаде туча, и в той тучи спаде веверица (белки. – *Авт.*) млада, яку топерво рожена, и възрастьши, и расходится по земли, и паки бываеть другая туча, и спадають оленци мали в ней, и възрастають, и расходятся по земли» [3].

Как видим, уже на рубеже XI–XII вв. новгородцы в поисках драгоценной пушнины забирались далеко на крайний северо-восток Европы, где вели меновную торговлю с народами Севера. Из Печорского края шел громадный поток пушнины (в основном белки), который обрабатывался в Каргополе, а затем доставлялся в Ладогу, откуда меха расходились по всей Руси. Оценить его размеры позволяет тот факт, что долгое время основным промыслом в Каргополе являлась выделка беличьих мехов – еще в 70-х гг. XIX в. тут выделывалось до 2 млн. шкур. Если учитывать, что пушнина тогда составляла одну из основных статей русского экспорта, становится понятным, какое значение имела печорская дань. Под 1133 г. Лаврентьевская летопись помещает известие, что во время одной из княжеских распрей новгородцы откупились от великого князя Ярополка Владимировича (сына Владимира Мономаха) именно печорской данью [4].

Добираться до Печоры было крайне сложно. Из Онежского озера поднимались вверх по р. Водле, откуда волоком выходили в р. Кену, приток р. Онеги. С востока к последней подходила р. Емца, приток р. Северной Двины. В ее нижнем течении в р. Северную Двину впадает р. Пинега, делающая большую петлю. Для нас наибольший интерес представляет то, что в самой северной точке этой петли р. Пинега очень близко подходит к р. Кулой, впадающей в Мезенскую губу Белого моря. Здесь издавна существовал волок, на месте которого во второй половине 1920-х гг. даже был построен судоходный канал длиной 6 км (рис. 1).

Но, выйдя в Мезенскую губу Белого моря, новгородцы опасались идти дальше «Дышючим» (или Дышащим) морем (именно так оно упоминается в «Сказании о гибели земли Русской», написанном вскоре после нашествия Батыея) [5]. Первые землепроходцы, еще не дойдя до морского побережья, видимо, немало смутились духом, когда неведомая сила подхватила их суда и стремительно помчала с огромной скоростью вперед, поскольку ничего не знали о морских приливах и отливах, повторяющихся с четкой периодичностью дважды в сутки. Наибольшая их сила наблюдается именно в Мезенской губе, где разница между уровнем воды в прилив и отлив достигает 10 м. В устье Мезени отлив, подхватив лодку, мчит ее к морю, словно санки с горы, со скоростью более 20 км/час. Еще более ощутима морская мощь в прилив, когда бегущий по течению реки пенный вал воды достигает 8 м в высоту, а приливная волна докатывается до р. Пезы, впадающей в р. Мезень на 86-м км от устья. Поэтому далее на восток путь лежал по р. Пезе, откуда волоком попадали в р. Цильму, впадающую в р. Печору.

Важной особенностью сбора печорской дани являлось то, что она была лишена твердой правовой основы. Военный набег и мирная торговля сплошь и рядом шли рука об руку. Одни и те же люди могли выступать то в роли грабителей и захватчиков, то в качестве мирных купцов. Соблазн легкой наживы порой был настолько велик, что новгородские сборщики дани просто забывали обо всем прочем. Иногда эти данщики встречали сопротивление и были истребляемы вдруг в разных местах. Под 1187 г. в Первой новгородской летописи встречаем известие, что новгородские сборщики дани были перебиты на Печоре, Югре и за Волоком. Погибло их человек сто. Восстание, как видно, было в разных местах в одно время [6].

Но новгородцы были не единственными, кого манили богатства Печоры. Начиная с середины XII в. сюда устремляют взоры князья Северо-Восточной Руси. Иногда эти стремления выливались в ожесточенные столкновения. Под 1169 г. летописец сообщает, что новгородский воевода Данислав Лазутинич отправился за Волок для сбора дани со своей дружиной из 400 чел. Навстречу ему великий князь Андрей Боголюбский послал семитысячный отряд войска перехватить его, но Данислав обратил в бегство суздальцев, убив у них 1300 чел., а своих потеряв только 14. После этого он отступил, боясь, вероятно, идти дальше, но потом двинулся опять вперед и благополучно взял всю дань, не преминув собрать ее еще и с суздальских подданных. Следующей зимой Андрей в отместку

собрал ростовские и суздальские полки, к которым позднее присоединились смоленские, рязанские и муромские князья, и осадил Новгород [7].

Рис. 1. Русский Север XII–XVI вв.

Карта выполнена С.Н. Темушевым (Белоруссия, Минск, Белорусский государственный университет).

Лишь с середины XIII в., со времен великого князя Ярослава Ярославича (брата Александра Невского), на Печоре установился более или менее твердый порядок сбора дани. Во всяком случае, именно от этой эпохи до нас дошли первые договорные грамоты Новгорода с великими князьями владимирскими, в которых Печора именуется новгородской волостью: «А се, княже, волости новгородьскыи... Пермь, Печера, Югра». Эта формулировка встречается во всех подобных договорах вплоть до самого конца новгородской независимости [8].

И хотя Москва формально признавала суверенитет Новгорода над этим краем (впервые название «Печора» в перечне московских владений фиксируется лишь в духовной грамоте Ивана III 1504 г., т.е. после присоединения Новгорода), фактически московские владения появились здесь уже в XIV в. Об этом становится известным из так называемых «Печорских актов» – указной грамоты

1294–1304 гг. великого князя Андрея Александровича на Двину посадникам, скотникам и старостам о кормах и подводах для трех ватаг великого князя, ходящих на морской промысел; жалованной грамоты 1328–1339 гг. великого князя Ивана Даниловича Калиты печорским сокольникам Жиле с ватагой об освобождении их от даней и некоторых повинностей; указной грамоты 1329 г. Ивана Калиты и всего Новгорода на Двину о поручении Печорской стороны в ведение Михаила с ватагой для морского промысла; жалованной кормленной грамоты 1363–1389 гг. великого князя Дмитрия Ивановича Донского Андрею Фрязину о пожаловании его Печорою в кормление [9].

В первой из них интересно указание на «старину»: «А как пошло при моем отце и при моем брате» (речь идет соответственно о великих князьях Александре Ярославиче Невском и его сыне Дмитрие Александровиче Переяславском). Аналогичное свидетельство имеется и в последней грамоте – в ней прямо говорится, что после Ивана Калиты Печорой последовательно владели великие князья Семен Иванович Гордый и Иван Иванович Красный.

К этим актам примыкает свидетельство предисловия «Летописца княжения Тферскаго», в котором его автор, перечисляя владения тверского князя Александра Михайловича, сообщает, что тот владел «землею Русскою... даже до моря Печерскаго» [10].

Из этих источников выясняется, что Печорским краем на протяжении более чем столетия – с середины XIII в. по конец XIV в. последовательно владели великие князья владимирские: сначала Александр Невский, затем его сыновья Дмитрий Переяславский и Андрей Городецкий, которых сменил Александр Тверской, после которого этими землями обладали представители московского княжеского дома: Иван Калита, Семен Гордый, Иван Красный, Дмитрий Донской.

Земледелие и скотоводство в этих местах никогда не были основным занятием его обитателей. Главную роль здесь играли рыбный промысел, охота и добыча морского зверя. Наиболее богатыми ими являлись побережья Баренцова и Белого морей, зачастую располагавшиеся из-за сезонного характера этих промыслов на сотни верст от места постоянного жительства рыбаков, охотников и зверобоев.

С очень раннего времени для более равномерного использования природных ресурсов все арктическое побережье Русского Севера России было поделено на отдельные промысловые участки. Напоминанием этого является то, что до сих пор различные части побережья Баренцова и Белого морей, начиная от Норвегии вплоть до устья р. Печоры, носят устойчивые названия «берегов»: Мурманский берег, Терский берег, Кандалакшский берег и т.д. На востоке крайними из этих «берегов» являлись Тиманский (Самоедский) и Захарьин берега, протянувшиеся вдоль западного побережья Печорской губы.

По этим «берегам» были разбросаны десятки становищ, в которых в сезон добычи рыбы и морского зверя промысловая жизнь была ключом. Здесь стояли жилые избы, а также имелись амбары, скеи (погреба) и помещения, где вытапливали рыбий жир и сушили рыбу. Оценить, разумеется, очень приблизительно, размах здешних промыслов можно по одному летописному свидетельству. В 1386 г. великий князь Дмитрий Иванович Донской в наказание за нападения новгородских ушкуйников на волжские города возложил на Новгород дань в 8 тыс. руб., из которых 5 тыс. было собрано с Заволочья, «занеже заволочане быле же на Волге» [11]. Разумеется, это был экстраординарный сбор. Для сравнения отметим, что на рубеже XIV–XV вв. с Московского княжества собиралась дань от 5 до 7 тыс. руб. [12].

Границами «берегов» и поныне являются ориентиры – глубоко вдающиеся в море мысы и устья крупных рек. При этом «чужакам» запрещалось вести на них лов: «А как пошло при моем отце и при моем брате не ходити на Терскую сторону ноугородцам, и ныне не ходять», – читаем в упомянутой грамоте великого князя Андрея Александровича [13]. Также оговаривалось число промышленников: «а ходить на море въ дватцати человекъ», или же указывались их имена» [14]. При этом выясняется, что особенностью «Печорской стороны» являлась добыча высоко ценившихся при княжеских дворах соколов и кречетов.

Захарьин берег получил свое название явно от какого-то Захария, очевидно, человека достаточно видного и богатого, возможно, первым освоившим эти места. Осторожно можно предположить, что речь должна идти о новгородском боярине Захарии (Неревине), избранном в посадники в 1161 г. В

определенной мере это подтверждается тем, что Захарий упоминается в берестяной грамоте № 724, где речь идет об упомянутом выше конфликте по поводу сбора дани с Андреем Боголюбским. Читаем в ней (в современном переводе): «От Саввы поклон братьям и дружине. Покинули меня люди; а надлежало им остаток дани собрать до осени, по первопутку послать и отбыть прочь. А Захарья, прислав (человека, через него) клятвенно заявил: “не давайте Савве ни единого песца с них собрать. (Я) сам за это отвечаю (или: (Он) сам за это взялся, т.е. он самозванец)”. А со мною по этому поводу сразу вслед за тем не рассчитался и не побывал ни у вас, ни здесь. Поэтому я остался. Потом пришли смерды, от Андрея мужа приняли, и (его) люди отняли дань. А восемь (человек), что под началом Тудора, вырвались (или вышли из повиновения). Отнесите же с пониманием, братья, к нему, если там из-за этого приключится тягота ему и дружине его» [15] (рис. 2).

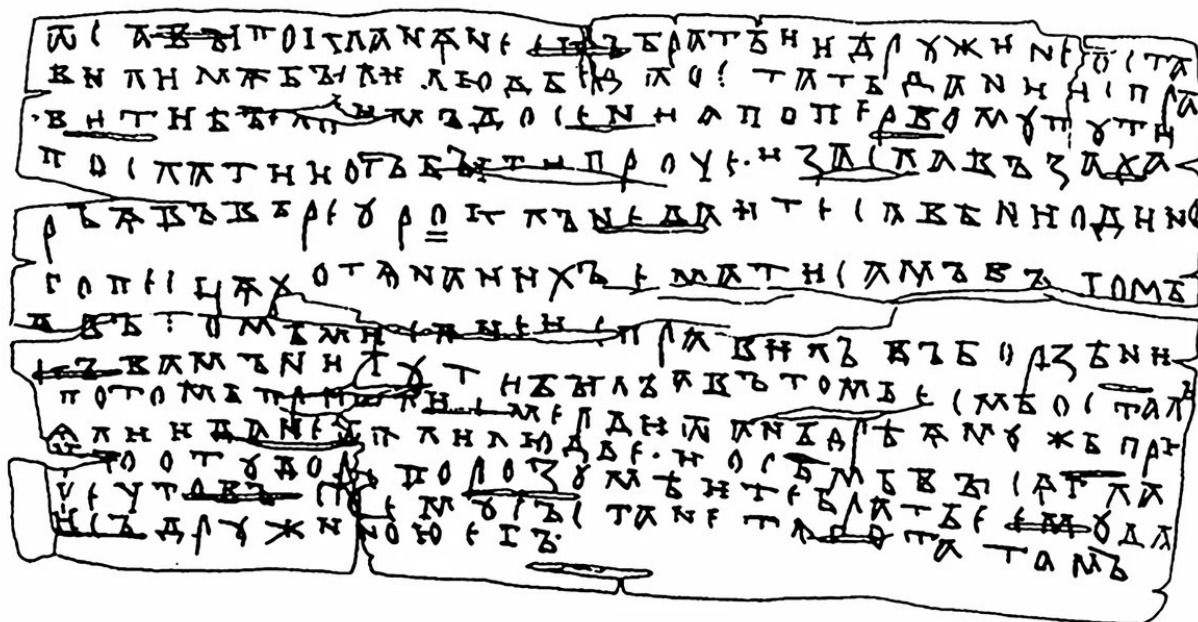

Рис. 2. Прорись новгородской берестяной грамоты № 724.

Двойственный статус Печеры (де-факто находившейся в руках московских князей, а де-юре значившейся за Новгородом) вызывал определенные трения. Обратившись к летописям, узнаем, что после возвращения из очередной поездки в Орду Иван Калита потребовал от Новгорода уплаты так называемого «закамского серебра». Новгородцы медлили, и Калита отобрал у них Торжок и Бежецк. В начале 1333 г. он вместе с суздальскими и рязанским князьями снова пришел в Торжок, вывел своих наместников из Новгорода и начал разорять новгородские земли. Напрасно послы Новгорода просили Калиту вновь занять новгородский стол. Князь их даже не слушал. Новое посольство прибыло к Калите в Переславль-Залесский и безуспешно предлагало ему 500 рублей за отнятые у Новгорода волости. Конфликт был погашен лишь после очередной поездки московского князя в Орду.

Эти события хорошо известны по общерусским летописям. Однако лишь из уникального известия Вычегодско-Вымской летописи (она велась в резиденции пермских владык – городке Усть-Вымь) становится известным, что конфликт между московским князем и Новгородом произошел именно из-за владений на Печоре и Вычегде, откуда шел основной поток пушнины: «Лета 6841 (1333 г. – *Авт.*) князь великий Иван Данилович взверже гнев свой на устюжцев и на ноугородцев, по что устюжци и ноугородцы от Вычегды и от Печеры не дают чорный выход Ордынскому царю, и дали князю Ивану на черный бор Вычегду и Печеру и с тех времен князь московский почал взимати дани с пермские люди» [16]. Формально это выглядело как получение московским князем права собирать дань на Печоре в счет ордынского «выхода».

Выше уже отмечалось, что при Дмитрие Донском (1359–1389) Печора жалуется в кормление Андрею Фрязину. «Фрягами» на Руси именовали итальянцев, славившихся умением правильно

оценивать, принимать, хранить и продавать пушнину. Эта деятельность требовала особых, специфических знаний. Достаточно сказать, что в зависимости от качества стоимость шкурки соболя в XVI в., от которого дошли первые сведения о ценах на пушнину, могла колебаться от 20 копеек до 2 рублей, т.е. в 10 раз. Московские князья нуждались в людях, умеющих правильно оценить пушнину, – в их казне, помимо денег и множества дорогих вещей, имелась масса мехов.

Новгородцы не оставляли намерения вернуть себе Печору. На протяжении только одного XIV в. они пытались сделать это дважды. Под 1367 г. находим известие о «розмирье» великого князя Дмитрия Донского с Новгородом. Это событие известно целому ряду летописей, но лишь в Вычегодско-Вымской летописи встречаем уникальное известие об условиях заключенного мира: «Лета 6875 (1367. – *Авт.*) князь великий Дмитрей Иванович заратися на Ноугород, а ноугородцы смирилися. Взял князь Дмитрей по тому розмирью к себе Печеру, Мезень и Кегрольские. Люди пермские за князя за Дмитрия крест целовали, а новугородцом не норовили» [17].

Вместе с тем с конца XIV в. сведения о распоряжении Печорой московскими князьями из источников исчезают. Объясняется это тем, что в 1398 г. вновь обострились московско-новгородские противоречия. Сын Дмитрия Донского Василий I занял Двинскую землю, служившую перевалочным пунктом, через который новгородцы получали «закамское серебро» и дорогие меха, шедшие из Печоры и Югры, а также соколов и кречетов. Жители Двинской земли и даже новгородские воеводы, находившиеся в ней, охотно переходили на сторону великого князя, тем более что его войска взяли уже Вологду, Торжок и другие города, отрезав Двинскую землю от Новгорода. Встревоженные новгородцы поспешили отправить в Москву посольство, но Василий I не хотел и слышать о возвращении Двинской земли. Тогда Новгород направил туда сильную рать, опустошившую край и захватившую изменников-бояр. По возвращении домой главного из них сбросили с моста в Волхов. Позднее в Москву прибыли новгородские послы с челобитьем и большими дарами. Великий князь принял их с большой честью и подписал с ними новый мирный договор, направив в Новгород своим наместником младшего брата Андрея. Причиной такой уступчивости стали дошедшие до него слухи о сношениях Новгорода с великим князем литовским Витовтом. Очевидно, именно тогда, не желая окончательно потерять Новгород, Василий I был вынужден уступить владения на Печоре новгородцам, которые обладали Печорским краем вплоть до конца новгородской самостоятельности. Во всяком случае, под 1471 г. IV Новгородская летопись помещает известие о том, что жители Печоры находились в Заволоцкой рати, сражавшейся с войсками великого князя [18], а упоминания о Печоре отсутствуют в списках московских владений, составленных в 1470-х гг. при подготовке ликвидации новгородской независимости [19].

Конец XV в. стал началом эпохи великих географических открытий. Как известно, в 1492 г. Христофор Колумб открыл Новый свет. Правда, при этом он до конца жизни был убежден, что добрался до земель, лежащих вблизи Китая и Японии. Путь из Европы в западном направлении был сразу же монополизирован испанцами и португальцами, свидетельством чему является Тордесильянский договор 1494 г. между Испанией и Португалией, определивший их сферы влияния в мире. Но из Европы можно было двигаться и в восточном направлении – мимо побережья Норвегии и Русского Севера, чтобы выйти на р. Обь, которая, по тогдашним представлениям, вытекала из «Китайского озера». Однако сразу выйти на Обь мореплавателям долгое время не удавалось – мешали льды Карского моря и поэтому основным путем стала р. Печора, из верховьев которой, перевалив через Уральский хребет, можно было попасть в бассейн р. Обь. В истории географических исследований эти экспедиции получили название поисков Северо-Восточного прохода.

Неудивительно, что в этих условиях, после падения Новгорода в 1478 г. и окончательного присоединения к Москве Печорского края русское правительство обращает пристальное внимание на крайний Северо-Восток Европы, предпринимая шаги по освоению его природных богатств. Самым известным из них стала экспедиция 1491 г. на Цильму в поисках серебра. Из анализа всей совокупности известий о ней в ряде летописей вырисовывается следующая картина.

Остро нуждаясь в драгоценном металле, ибо на Руси его запасов разведано не было и для нужд денежного обращения приходилось перечекивать западноевропейскую монету, Иван III в начале 1491 г. решил отправить на Печору, где по слухам имелось серебро, специальную экспедицию.

Искать его было поручено иноземным горным мастерам – немцам Ивану и Виктору (именно на их родине были знаменитые Богемские рудники, снабжавшие серебром всю Западную Европу). С ними были посланы Андрей Петров и Василий Иванов сын Болтин. 26 марта 1491 г. они выехали из Москвы [20]. К лету экспедиция прибыла на место и начала обследование отрогов Тиманского кряжа по притокам Печоры. Были обнаружены залежи свинцового блеска, содержащего серебро и медь, а 8 августа 1491 г. по уступам береговой террасы р. Цильмы, «не доходя Космы реки за польдница, а от Печеры реки за семь днищ», было найдено довольно значительное месторождение меди. Разведки показали, что оно обширно по размерам: «а места того, где нашли, на десяти верстах». Встречались и признаки серебра, но провести более детальное изучение помешала надвигавшаяся осень. 20 октября Андрей Петров и Василий Болтин возвратились в Москву с известием о находке [21].

Воодушевленный этим сообщением, Иван III весной следующего года направил на Цильму новую экспедицию. 2 марта 1492 г. из Москвы выехали Мануил Ралев, Василий Иванов сын Болтин, Иван Брюхо Кузьмин сын Коробьин, Андрей Петров. С ними отправились мастера «фрязи» – «серебра делати и меди». В помощь им были даны «делавцы, кому руда копати». С Устюга было набрано 60, с Двины – 100 чел., 80 чел. – с Пинеги. Для снабжения их продовольствием было вытребовано «пермич, и вымич, и вычегжан, и усолит сто человек». Вычегодско-Вымская летопись, сообщая о распоряжении великого князя местному населению давать «ужина» участникам экспедиции, добавляет уникальную подробность: «А на ужена князь великий пожаловал пермичов тони на устье Печоры-реки от Болванские до Пустозерские». По предположению Б.Н. Флори, эти сведения были заимствованы летописцем из какого-либо документа, например, великокняжеской жалованной грамоты на эти угодья [22].

На р. Цильме в 7 км выше впадения в нее Рудянки были заложены медные рудники и плавильные печи. До сих пор приблизительно в 15 км ниже устья р. Космы по обеим сторонам р. Цильмы на пространстве около 10 км рельефно выделяются следы древних разработок: остатки строений с кирпичными печами, погребов, угольных куч, кузнечных и плавильных печей, вокруг которых много шлаков. Обнаруживаются и места, где проводились промывка и толчение руд.

Но результаты оказались довольно неутешительными. Посланцы великого князя выявили породы, содержащие до 50 % меди, однако не встретили месторождений серебра промышленного значения. Добыча же меди оказалась невыгодной из-за сложных условий, короткого промышленного сезона, отдаленности, отсутствия путей сообщения и трудностей со снабжением [23]. Тем не менее именно эта экспедиция считается началом горнорудного дела в России.

Во многом неудача 1492 г. была связана с тем, что в конце XV в. на Печоре еще не было постоянного русского населения. Положение в определенной степени изменилось лишь после похода московских воевод князей Семена Федоровича Курбского и Петра Федоровича Ушатого 1499 г., в результате которого была присоединена Югра, а на Печоре «городок заруби для людеи князя великого», получивший название Пустозерска. Он стал административным центром здешних мест. Еще через три года сюда был направлен наместником из Выми один из местных князьков – Федор Вымский: «Лета 7010 (1502. – *Авт.*) повеле князь великий Иван вымскому Феодору правити на Пусте-озере волостью Печорою, а на Выме не быти ему, потому место Вымское не порубежное» [24].

Любопытно, что на Западе внимательно следили за шагами русского правительства по освоению крайнего северо-востока Европы. Сведения о Печоре находим в «Записках о Московии» барона Сигизмунда фон Герберштейна, дипломата Священной Римской империи. В качестве посла он дважды побывал в России – в 1517 и 1526 гг. Здесь, по его словам, ему была «доставлена рукопись на русском языке, в которой содержалось описание этого пути, и которую я перевел и в точности помещаю здесь». Так на основе русского дорожника в его сочинении появилась небольшая глава «Указатель пути в Печору, Югру и к реке Оби», который, как он пишет, был переводом некоего описания, «сделанного на русском языке», согласно которому от Печоры до Китая можно было добраться примерно за десять месяцев [25]. Приведенные Герберштейном сведения довольно точны. В частности, это касается характеристики р. Печоры, которая по оценке автора, «при впадении Цильмы простирается на две версты в ширину». По недавним измерениям, сделанным по льду р. Печоры, ее ширина в районе Усть-Цильмы составляет 1,6 км.

Историки спорили по поводу того, каким образом у Герберштейна оказался данный дорожник. Предполагали, что он достался ему от Семена Федоровича Курбского, который был еще жив на момент посольства Герберштейна, и с которым тот беседовал о подробностях похода 1499 г. Но скорее всего, он получил его от русского дипломата Дмитрия Герасимова, служившего в первые десятилетия XVI в. переводчиком при русских посольствах в Швеции, Дании, Норвегии, Пруссии, Священной Римской империи. В перерывах между посольствами он занимался книжной и переводческой деятельностью. Примечательно, что, вероятнее всего, именно он перевел изданный в Кельне в 1523 г. отчет о кругосветном плавании Магеллана, который на Руси был известен как «Сказание о Молукитцких островах».

Как бы то ни было, но именно из книги Герберштейна, впервые изданной на латинском языке в 1549 г., в Западной Европе стали известны подробности о землях, лежащих на крайнем северо-востоке Европы. Этому способствовало и то, что к данному изданию была приложена карта России и окрестных земель (рис. 3).

Рис. 3. Фрагмент карты, приложенной к книге С. Герберштейна.

Карта Герберштейна была использована выдающимся фламандским картографом XVI в. Абрахамом Ортелием (1527–1598) в вышедшем в 1570 г. атласе «Theatrum Orbis Terrarum» («Зрелище круга земного»), который, по сути, явился первым атласом земного шара в привычном нам смысле этого слова. Эти две карты надолго стали основой для графического изображения Печорского края в XVII и первой половине XVIII в. Так, изданная в Амстердаме в 1614 г. карта России Г. Гесселя фактически их повторяла.

Говоря об основании Пустозерска, нельзя не отметить одно обстоятельство. На европейских картах XVI–XVII вв. кроме Пустозерска на нижней Печоре обозначен еще один город – Печора. К сожалению, его точное местоположение неизвестно – одни картографы помещают его на правом берегу реки, другие – на левом. Исследователи, обратившие внимание на этот факт, пытались объяснить его тем, что западноевропейские путешественники так называли Пустозерск по имени реки. Другие отождествили его с Ортинским городищем, открытым археологами во второй половине XX в. Правда, раскопки 80-х – начала 90-х гг. XX в. отнесли существование этого памятника

к X–XIII вв., а следовательно он не мог существовать в XVI–XVII вв., когда фиксируется западноевропейскими картами [26].

Определенный ключ к решению проблемы дает известие разрядных книг, отмечающих при описании похода 1499 г., что русские рати «пришли в Печору реку до Усташу-града... да тут осенева-ли и город зарубили» [27]. Где стоял последний, неизвестно. В литературе было высказано мнение, что в нем жили вогуличи, т.е. манси. Это подтверждается тем, что название Усташ достаточно надежно этимологизируется на почве мансийского языка: *манс.* Us-ty (r), Us-tew(s) досл. «городецкое озеро» (манс. us «городец», ty(r), tew(s) «озеро») [28].

В данном случае, очевидно, имеем ситуацию, когда места сбора дани отстояли на некотором расстоянии (обычно 15–20 км) от мест проживания податных групп. Пустозерск с самого начала возник как пункт сбора дани с местного населения, жившего в вогульском городке Усташ. При выборе места для него воеводы руководствовались прежде всего оборонительными условиями – с трех сторон он был окружен водой, что делало невозможным внезапный удар. Если мы правы, то следы вогульского городка Усташ следует искать в радиусе около 20 км от Пустозерска.

Потребовалось еще полвека, чтобы берега нижней Печоры были окончательно заселены. Под 1544 г. Вычегодско-Вымская летопись сообщает: «Лета 7052 пожаловал князь великий Иван новгородца Ластку да Власку печорскими тонями и речками да слободкою на устье на Цильме, а копити тое слободку на князя великого безпенно и безошлино, а оброку рублевою за тони и бечевники привозити на Москву вместе с вычегжаны и вымичи» [29].

Мы не знаем, на какой срок были освобождены от уплаты податей первые обитатели Усть-Цильмы. По косвенным данным можно полагать, что он составлял 20 лет. Судить об этом можно по известию Вычегодско-Вымской летописи под 1564 г. о присылке на Печору писцов: «Они же писцы волостку Пусто-озеро в оброки верстали и самадьские луки писали». К 1575 г. относится ее же сообщение о проведении писцового описания на Печоре: «Лета 7083 (1575. – *Авт.*) писцы князя великого Василий Агалин, Степан Федоров писали Пустозерскую волостку и отписали от Вымского присуду слободки Усть Цилемскую и Ижемскую, а велено быти тем слободкам за присуду за Пустозерские» [30]. Однако на практике первым поселенцам пришлось платить в государеву казну больше и гораздо раньше. Из грамоты 1555 г. выясняем, что оброк с владений Ивана Ластки составлял уже 6 рублей в год. Связано это было с тем, что Усть-Цильма вскоре оказалась на довольно оживленном торговом пути в Сибирь, который проложили русские землепроходцы – от Северной Двины, Пине-гою в Кулой, Мезень, Пезу, Цильму, Печору, Усу и далее на оленях к Оби. Естественно, правительство не упустило возможности наложить оброк с жителей столь бойкого места.

Во всяком случае, именно после писцового описания 1575 г. образовался самостоятельный Пустозерский уезд, просуществовавший почти полтора столетия, вплоть до губернской реформы 1709 г. Петра I, когда вошел в состав Архангельской губернии.

Источники и литература

1. ПВЛ. – С. 8, 10.
2. ПВЛ. – С. 107–108.
3. ПВЛ. – С. 107, 126–127.
4. ПСРЛ. – Т. I. – С. 132.
5. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. – Санкт-Петербург: Наука, 1997. – С. 90.
6. ПСРЛ. – Т. III. – С. 19; См.: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен / *С.М. Соловьев.* – Москва: Соцэргиз, 1959. – Кн. I. – С. 643–644.
7. ПСРЛ. – Т. III. – С. 221.
8. ГВНП. № 1–3, 6, 9, 14, 15, 19, 22, 26, 77.
9. АСЭИ. Т. III. № 1–4; ГВНП. № 83–85, 87; О датировке см.: *Янин В.Л.* Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий / *В.Л. Янин.* – Москва: Наука, 1991. – С. 151–152, 163–165, 172.
10. ПСРЛ. – Т. XV. – Стб. 465.
11. ПСРЛ. – Т. III. – С. 380, 381.
12. ДДГ. № 13, 16, 17.
13. АСЭИ. Т. III. № 1.

14. ГВНП. № 84, 85.
15. URL: [http:// www. Gramoty.ru/birchbark/document/show/novgorod/724/](http://www.Gramoty.ru/birchbark/document/show/novgorod/724/) (дата обращения: 01.07.2022).
16. КВЛ. – С. 257; Характеристику этого источника см.: *Флоря Б.Н.* Коми-Вымская летопись / *Б.Н. Флоря* // Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М.Н. Тихомирова. – Москва: Наука, 1967. – С. 218–231.
17. КВЛ. – С. 257–258.
18. ПСРЛ. – Т. IV. – С. 128.
19. АСЭИ. Т. III. № 14–16.
20. ПСРЛ. – Т. XII. – С. 228; – Т. XVIII. – С. 274.
21. ПСРЛ. – Т. XXVI. – С. 287; – Т. XXVII. – С. 362; – Т. XXVIII. – С. 156; – Т. XXXIII. – С. 128, 149.
22. КВЛ. – С. 264; *Флоря Б.Н.* Коми-Вымская летопись / *Б.Н. Флоря*. – С. 223.
23. ПСРЛ. – Т. XXVI. – С. 288.
24. КВЛ. – С. 264.
25. *Герберштейн С.* Записки о Московии / *С. Герберштейн*. – Москва, 2008. – Т. 1. – С. 365–377 (текст дан на латинском и старонемецком языках, с параллельным переводом на русский).
26. *Ясински М.Э.* Пустозерск. Русский город в Арктике / *М.Э. Ясински, О.В. Овсянников*. – Санкт-Петербург: Петерб. востоковедение, 2003. – С. 77–103; *Окладников Н.А.* Пустозерск и Пустозерье. Из истории Печорского края / *Н.А. Окладников*. – Архангельск: Правда Севера, 2010. – С. 37–43.
27. *Миллер Г.Ф.* История Сибири / *Г.Ф. Миллер*. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1937. – Т. I. – С. 204.
28. *Игнатов М.Д.* Этимологии различных названий городка Пустозерск / *М.Д. Игнатов* // История и культура российского севера в исследовательском, образовательном и просветительском измерениях. Материалы I съезда историков Республики Коми (31 марта – 4 апреля 2015 г.). – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2018. – Ч. 3. – С. 17.
29. КВЛ. – С. 265.
30. КВЛ. – С. 266.

Список сокращений

- АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. – Москва: Изд-во АН СССР, 1964. – Т. III.
- ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1949.
- ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1950.
- КВЛ – Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Историко-филологический сборник. Вып. 4. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1958.
- ПВЛ – Повесть временных лет. – 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург: Наука, 1999.
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. Т. I. *Лаврентьевская летопись*. – СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1846; Т. III. Новгородские летописи. – СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1841. – С. 19; Т. IV. V Новгородская и Псковская летописи. – СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1848; Т. XII. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. – Москва: Языки русской культуры, 2000; Т. XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. – Москва: Языки русской культуры, 2000; Т. XVIII. *Симеоновская летопись*. – Москва: Языки славянских культур, 2007; Т. XXVI. Вологодско-Пермская летопись. – Москва: Рукописные памятники Древней Руси, 2006; Т. XXVII. Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV века. – Москва: Языки славянских культур, 2007; Т. XXVIII. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1963; Т. XXXIII. Холмогорская летопись. Двинской летописец. – Ленинград: Наука, 1977.